

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

DOI: 10.46698/VNC.2024.25.18.010

ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ-ВОИТЕЛЬНИЦЫ В МИРОВОМ И СЕВЕРОКАВКАЗСКОМ ИСТОРИКО- ГЕРОИЧЕСКОМ ЭПОСЕ

Бурхан Абуясуфович Берберов, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий сектором карачаево-балкарского фольклора, Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения Федерального научного центра «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (Нальчик, Россия); <https://orcid.org/0000-0001-5417-8144>; burhan_berberov@mail.ru

Объектом исследования в статье послужили «женские сюжеты» в мировом и северокавказском историко-героическом эпосе. Сопоставление мотивов различного происхождения позволило классифицировать гендерно-маркированные нарративы по степени и характеру вовлеченности представителей женского пола в процесс сопротивления иноземным захватчикам. В результате сплошной выборки и антропоцентрического анализа выявлены следующие поведенческие паттерны: «виктимная позиция», «активная позиция», «вербальное взаимодействие», в целом характерные как для мирового, так и карачаево-балкарского историко-героического эпоса. С наибольшей отчетливостью все три поведенческих типа реализованы в песнях «тимуровского цикла»: «Плач матери близнецов», «Черная буря», «Плач по Азнауру», «Плач по мужу, погибшему в битве», «Дюгербий», «Княжна Зурум», «Княжна Акбилек». Метод фольклорной компаративистики позволил обнаружить типологически сходную картину в дагестанском, кабардинском, осетинском, чеченском эпических текстах, где также актуализированы социально и культурно обусловленные модели женской реакции на агрессию иноземного противника. Особое место среди всех исследованных фольклорных произведений занимает поликонфликтная песня «Княжна Зурум», включающая в себя сразу несколько поведенческих конструктов: виктимный, сопротивленческий, а также ориентированный на культурный, миротворческий диалог. Общность человеческого мышления и поведения показана в статье посредством обращения к широкому историко-культурному контексту, включающему в себя релевантные произведения из области алтайских, греческих, иранских, итальянских, китайских, монгольских и русских сказаний. Все теоретические положения в статье подкрепляются

ся соответствующим иллюстративным материалом, а также необходимыми научными комментариями.

Ключевые слова: мировой и северокавказский историко-героический эпос, женщина-воительница, кавказская женщина, самопожертвование.

Для цитирования: Берберов Б.А. Образ женщины-воительницы в мировом и северокавказском историко-героическом эпосе // KAVKAZ-FORUM. 2024. Вып. 18(25). С. 5-20. DOI: 10.46698/VNC.2024.25.18.010

Введение

Война – не женское дело. Вся история человечества демонстрирует тотальное доминирование мужчин в развязывании войн и непосредственном ведении военных действий. На этом фоне особенно интересны мифологические, фольклорные и исторические сюжеты о женщинах-воительницах, наиболее известным из которых, вероятно, следует признать цикл мифов об амазонках, уходящий корнями в Минойскую цивилизацию [1, 4].

Актуальность данной статьи обусловлена необходимостью сбора и систематизации фольклорных произведений, тематически связанных с антивоенной философией, чаще всего вложенной в сознание женщины. Материалом исследования послужили релевантные тексты из северокавказского историко-героического эпоса с широким обращением к типологически сходным образцам из мирового фольклора. Целью статьи является исследование образа женщины-воительницы в карачаево-балкарском эпосе в тесной соотнесенности с северокавказской и мировой эпической традицией. Для решения поставленных задач в работе используются следующие методы исследования – ретроспективный, сравнительно-исторический, интертекстуальный и семиотический.

Основная часть

Начнем исследование с краткого обзора гендерно-маркированных сюжетов из мирового фольклора. В каракалпакской эпической поэме «*Кырк кыз*» («Сорок девушек») описывается история отряда из сорока девушек-воительниц, среди которых особенно выделяются их предводительница Гулаим и самая младшая Сарбиназ. В ответственный момент Гулаим созывает своих соратниц на битву с врагами:

*Юницы-батыры, сестрицы мои,
Подружки мои, соколицы мои!
Крепитесь! Настал испытания час,
А вы проливаете слезы из глаз.*

*Не лучше ли стан свой стянуть кушаком
И – на конь, чтоб вихрем лететь за врагом,
К седлу прирасти хоть на месяц пути,
Без устали мчаться и ночью и днем [2, 4]*

Отдельную группу составляют сюжеты индивидуального участия женщин в военных действиях – наступательных или оборонительных. Наиболее известный пример таких сюжетов – это китайская легенда VI в. о девушке-воине Хуа Мулань. По сюжету легенды в страну вторглись жестокие агрессоры, и отец девушки должен идти на войну. Однако Мулань жалеет отца, так как он был тяжело ранен на предыдущей войне. Девушка аккуратно срезает мечом длинные волосы, надевает отцовские доспехи и выдает себя за юношу по имени Фа Пинг.

*У отца нет взрослого сына,
У Мулань нет старшего брата.
Хочу купить седло и коня
И служить вместо отца [3].*

Похожий сюжет встречается и в итальянской народной сказке «*Прекрасная Фантагино*» о принцессе, возглавившей войско в отсутствие достойных мужчин. Примечательно, что эта принцесса несколько раз была близка к разоблачению, когда противник замечает:

*Фанта-Гиро, воин прекраснолицый
С глазами косули и резвый, как птица.
Мне кажется – это девица [4, 33].*

В русских былинах и сказках наиболее ярко этот сюжет проявляется в сказке «*Марья Моревна*», где по сюжету царевич наталкивается на разбитую в поле армию и спрашивает: «Коли есть тутъ живъ человекъ – озовися! Кто побилъ это войско великое?», на что получает ответ: «Все это войско побилла Марья Моревна, прекрасная королевна» [5, 5].

В иранском эпосе «*Шах-наме*» Фирдоуси воительница Гордаферид, дочь наместника иранского пограничного Белого замка, вступила в бой с Сухрабом (хоть и была побеждена):

*Услышала дочь Гождехема о том,
Что сдался Хеджир, побежденный врагом,
И вздрогнула дева, как смерть побледнев,*

*Вздох тяжкий исторгли обида и гнев.
 Душа ратоборца была ей дана,
 Молва прославляла ее издавна.
 Ей Гордаферид было имя, в борьбе
 Не знала отважная равных себе [6, 23].*

В алтайском эпосе «Очы-Бала» одноименная героиня стреляет из шестидесятислойного лука и без труда в одиночку разбивает целые армии, а также удостоивается упоминания высоких моральных качеств:

*И зла народу своему
 Не пожелает никогда,
 И слова, данного ему,
 Не забывает никогда.
 Добра, красива, весела,
 Батыром девушка была [7, 202].*

Другие примеры включают сюжет о монгольской принцессе Хутулун, сражавшейся наравне с мужчинами и ставшей прототипом принцессы Турандот из одноименной оперы; сюжет о скандинавской принцессе Альвиде, отказавшейся выходить замуж, сбежавшей из дворца и подавшейся в викинги, а также много других.

Сопrotивление кавказских женщин. Отдельную группу, вызывающую наибольший интерес в рамках настоящего исследования, составляют историко-героические сюжеты о сопротивлении кавказских женщин захватническим войскам Хромого Тимура (Тамерлана). «Конец XIV – начало XV в. – один из наиболее важных и сложных периодов как в истории народа таулу (карачаево-балкарцев), оказавшегося в результате нашествия Аксак Темира на грани полного уничтожения, так и других народов Северного Кавказа» [8, 46].

В 1992 г. была опубликована книга Хизриева Хаджи Ахмедовича «Кавказцы против Тимура» [9]. В ней исследуются сложные исторические процессы, протекавшие на территории Северного Кавказа в XV в. в связи с нашествием Тимура. Автором дан подробный анализ героической борьбы народов Северного Кавказа против Тимура, зафиксированы интересные сведения о совместной освободительной борьбе горцев против иноземных завоевателей, в приложении приведены примеры горских преданий об этой освободительной борьбе. Примером исследования именно «женской оптики» кавказского сопротивления Тимуру является газетная статья «Образы женщин в старинных народных песнях» («Эрттегили халкъ

жырлада тиширыулары сыфатлары») С.А. Мусукаевой. По сюжету песни, приводимой автором, всадница встречает юношу и говорит ему:

– Эй, улан, не этесе былайда,
Таш да жарылды, жол да бюгюлдю,
Сен а тураса сирелип, таш болуп, ташны къатында? [10].

– Эй, парень, что ты здесь делаешь,
И камень раскололся, и дорога погнулась,
А ты стоишь как камень рядом с камнем?

(Подстрочный перевод автора статьи – Б.Б.).

Неоспоримым фактом является грабительский, захватнический характер войны, которую вел Тимур на территории Северного Кавказа. По этой причине в народной памяти Тимур запечатлен как жестокий завоеватель (хотя порой и с некоторым облагораживанием его образа, как мы увидим в дальнейших примерах). Значительное превосходство армии Тимура перед обороняющимися горцами предопределило истребление существенной части отчаянно сражавшегося населения. Фольклор кавказских народов сохранил сюжеты о роли местных женщин, которые можно условно разделить на три группы:

– «*Виктимная позиция*», в которой женщины изображены исключительно как жертвы захватчиков;

– «*Активная позиция*», в которой делается акцент на нанесении женщинами урона врагам;

– «*Вербальное взаимодействие*», при котором женщины предпринимают попытки переубедить захватчиков, либо достойно отвечают на их требования.

Виктимная позиция. Эта группа сюжетов, пожалуй, наиболее полно представлена в историко-героическом фольклоре кавказских народов, столкнувшихся с сокрушительными последствиями нашествия армии Тимура. Как правило, незавидная судьба таких женских персонажей сводится либо к потере близких людей, либо к попаданию в плен к захватчикам, либо к сознательному отказу от собственной жизни – во избежание плена.

Так, в песне «*Эгизле анасыны сарыны*» («Плач матери близнецов») неутешная мать горюет о судьбе своих близнецов:

ЭГИЗЛЕ АНАСЫНЫ САРЫНЫ

Ой-ий, ой-ий,
Эки къаргъа бирден келип къондула,
Юйюбюз аллында къаракъайын къазыкъгъа,

*Чегем элни аналары, жилигъыз,
Оу-оу, мени кибик, ачы кюйген жазыкъгъа [11, 119].*

ПЛАЧ МАТЕРИ БЛИЗНЕЦОВ

*Ой-ий, ой-ий,
Две вороны вместе опустились
На рябиновый кол перед нашим домом,
Плачьте, жители селения Чегем,
Оу-оу, над такой, как я, горюющей страдальцей [11, 121].*

В песне «Къара боран» («Черная буря») описываются потери женщинами своих родственников и жилищ:

КЪАРА БОРАН

*Къалаланы, къуш уялача, оялла,
Къатынланы элсиз, эрсиз къоялла,
Тау эллени барын-жогъун жыймасакъ,
Была бизни, къой этинлей, соялла [11, 111].*

ЧЕРНАЯ БУРЯ

*Башни они разрушают, как орлиные гнезда,
Жен оставляют без жилищ, без мужей,
Если не соберем всех уцелевших в горских селеньях,
Они перережут нас, как овец [11, 112].*

В песне «Азнауурну кюйю» («Кюй по Азнаууру») оплакивается судьба брата:

АЗНАУУРНУ КЮЙЮ

*Ой, жарлы къарнашым, батыр къарнашым,
Замансыз миндинг да къашха атынга,
Замансыз чыкъдынг да къанлынгы аллына,
Ат къашхасын къаннга боядынг [11, 113].*

КЮЙ ПО АЗНАУРУ*

*Ой, бедный мой брат, мой брат-батыр,
Не вовремя ты сел на своего коня с лысинкой,
Не вовремя выступил навстречу кровным врагам,
Лысинку (на лбу) коня ты окрасил (своей) кровью [11, 113].*

Махти Джуртубаев отмечает, что песни «Черная буря» и «Кюй¹ по Азнауру» могут являться частями одной песни [11, 114].

В другой песне жена оплакивает погибшего в битве мужа:

КЪАЗАУАТДА ЁЛГЕН ЭРИНЕ КЪАТЫНЫ ЭТГЕН КЮЙ

Ай-ий, ай-ий,
Къара жыйын къан тегерге келгенед,
Сыйлым аны аманлыкъгъа кергенед.

Ай-ий, ай-ий,
Къая туюю адам жырмаз кёл болду,
Акъ дуниям къап-къарангы кер болду [11, 128].

КЮЙ* ЖЕНЫ ПО МУЖУ, ПОГИБШЕМУ В БИТВЕ

Ай-ий, ай-ий,
Черный отряд пришел проливать кровь,
Мой почтенный почел это преступлением.

Ай-ий, ай-ий,
Подножие скалы стало озером, которое не переплыть,
Мой белый свет стал черно-тёмной могилой [11, 129].

В песне «Дюгербий» описывается мотив отказа от жизни во избежание неволи:

ДЮГЕРБИЙ

Мурдарланы къатларына къоймайла,
Беллерине салам духла байлайла.

Терк жандырып къургъакъ заба саламны,
Жесирликден была ёлюмню сайлайла [11, 133].

ДЮГЕРБИЙ

Убийц к себе не подпустили,
Обмотали себя жгутами из травы,

Быстро подожгли сухую траву с кочек,
Смерть они предпочли неволе [11, 136].

Аналогичный мотив использован и в песне «Княгиня Зурум»:

ЗУРУМ-БИЙЧЕ

Ау, акътотайла жау къолуна тюшмейик деп,
Ау, къазла кибик, къаяладан башларын аталла,
Ай, бизге бююн не къанлы тангла аталла! [11, 71].

КНЯГИНЯ ЗУРУМ

*Ой, знатные женщины, чтобы не попасть в руки врага,
Ой, как лебеди, бросаются (вниз) со скал,
Ай, какие кровавые рассветы над нами сейчас встают!* [11, 76].

Помимо карачаево-балкарского историко-героического фольклора подобные мотивы встречаются и у многих других кавказских народов. В качестве примера можно назвать осетинское предание, нашедшее отражение в песне «Задалеская мать»:

*Плача, рыдая, тогда остались бесприютные дети
На пепелище, на черной золе.
Но оказалась на счастье народа
Женщина на свете,
Сирот собрала, подобно стаду овец,
Ночью и днем сторожит их от дикого зверя и недруга* [12, 75].

Интересно, что в фольклоре разных народов фиксируются и мотивы возведения Тимура в роль родоначальника. Так, например, в одном осетинском сказании Тимур предстает в роли положительного героя – статным сыном восточного хана. По сюжету рассказа, «пленившись красотой трех сестер, он женился на них, и от его сыновей Дигора, Ирау и Туала произошли дигорцы, иронцы и туалыцы» [9, 120].

Активная позиция. Наиболее ярким примером активного сопротивления женщины захватническим войскам является история Атиймы Табынаевой. Махти Джуртубаев пересказывает предание, записанное им от старожиллов селения Кёнделен, в котором есть такой фрагмент:

«...Отважнее всех сражалась женщина в белой бурке, в кольчуге, блестящей под солнечными лучами. При каждом взмахе ее сабли падал один из неприятелей. Увидев это, ни один из них не решился сразиться с ней лицом к лицу. Затем некоторые из них стали издали обстреливать ее из луков. Посланные ими стрелы с железными наконечниками глубоко вонзились в тело смелой женщины. Но с коня она не упала. Пригнувшись, она ухватила левой рукой за гриву коня, а в правой удерживала саблю. Ее товарищи, заметив это, подоспели и не дали ей попасть в руки врагов, ее отнесли в *Жашырын Дорбунла* («потайные пещеры»). Там, наложив на ее раны снадобья, перевязали их. Но, к сожалению, она умерла от большой потери крови...» [11, 140]. Отмечается, что возможно «Табына» – это имя отца героини [11, 141].

Другой пример активной позиции – история княгини Зурум, упоминавшейся в предыдущем разделе.

ЗУРУМ-БИЙЧЕ

*Жау бар эсе, башчылары Темир-хан,
Анга атар сары огъум жанымдады, хау,
Анга базар жети кюнюм аллымдады, хау!* [11, 69].

КНЯГИНЯ ЗУРУМ

*Если есть враги, и их предводитель Темир-Хан,
Белая стрела, которую я пущу в него, при мне, да,
Семь дней, в которые я выступлю против него, еще впереди, да!*
[11, 74].

По преданию, «осознавая неравенство сил в ходе ожесточенной битвы и возможное пленение, княгиня решила умереть как мужчина и вместе с конем бросилась с высоты своей башни» («Мадарсыз болгъан бийче къ-анлысыны къолуна джесир болуб тюзгенден эсе эркишича ёлюрге излеб, ат белинде къала башындан секиргенди») [13, 38], чтобы напоследок убить еще какое-то количество нападавших.

У других народов Кавказа также встречаются сюжеты активного сопротивления захватчикам со стороны местных женщин. Наиболее яркий пример такого сопротивления представлен в чеченском фольклоре в виде отрядов воительниц-Мехкарий, «которых почти было невозможно отличить от мужчин-воинов их отвагой и боевым духом» [14].

Другой важнейший персонаж – Парту Патима – героиня народных преданий лакского народа середины XIV в. во время завоеваний Тамерлана на территории современного Дагестана. Согласно легенде, перед битвой обе стороны выставили бойцов. С лакской стороны вышел возлюбленный Парту Патимы, который погиб в поединке. Разъяренная Патима бросилась на противника и ударом сабли отрубила тому голову. Увидев успех девушки, лакские воины пошли на врагов, которые в итоге выиграли сражение:

*Направо взмахнет – и врага обезглавит,
Налево взмахнет – коня рассечет.
«Ура!» закричит – и джигитов направит,
«Ура!» закричит – и помчатся вперед.*

*А время проходит, а время уходит,
Монгольское полчище хлынуло вспять,
Своих седоков скакуны не находят,
Спасается бегством Тимурова рать* [15, 293].

В статье с примечательным названием «Образ женщины-богатырши в историко-героическом эпосе адыгов» кабардинский фольклорист М.Ф. Бухуров крупным планом рассмотрел базовые качества девушки Лашин, которая по просьбе народа в экстремальный момент была выставлена «против калмыцкого силача» [16, 234].

Лашин бойца Китай-хана свалила.

Слава Лашин пошла по свету.

Посмотрите на нашу гордость [17, 85].

К числу уникальных фольклорных жанров относится песенный цикл «Гармошка Лашин», состоящий из семи эпиграмм на виднейших персонажей нартского эпоса – пастуха Аймышы, кузнеца Тлепша и нартов Бадыноко, Сосруко, Аракшу, Тлебыца и Кянжоко [17, 85-87].

В финале предания «Лашин-победительница» отмечено следующее: «Чтобы люди не забывали о Лашин, чтобы они сказывали о ней хабары², то место, где боролась она, назвали ее именем. Место это расположено на небольшой возвышенности у обрыва между селениями Лашинкой и Жагик-Кабак. Там Лашин одержала победу. На том месте лежал большой камень, оттого оно и звалось Мывакой. А ныне зовется Лашинкой.

И идет с той поры обычай, чтобы по праздникам рассказывали о Лашин, обо всем, ею совершенном.

Это дошло и до наших дней» [17, 85].

Вербальное взаимодействие. Наконец, в третью группу можно отнести примеры сюжетов, где женский персонаж пытается увещевать захватчиков или остроумно им отвечает.

Ярким образцом такой личности в карачаево-балкарском историко-героическом фольклоре является уже упоминавшаяся княгиня Зурум. Так, «Аксак-Темир прислал ей мешок из шкуры жеребенка, полный проса, и велел спросить: «Покинь свою башню, на что ты надеешься? У меня столько воинов, сколько зернышек в этом мешке», – княгиня Зурум ответила: «А у меня есть сила, которая может их поклевать», – и отправила с посланцами эмира рябого петуха» [11, 73].

Ловкий ответ княгини напоминает знаменитый ответ спартанцев, переданный Геродотом:

«Вскоре в спартанский лагерь прибежали запыхавшиеся гонцы:

– Нам грозит гибель! <...> Персы спускаются по обходной тропе. <...>

Стрелами своими они могут затмить солнце...

Наступила гнетущая тишина. И вдруг раздался насмешливый голос одного из спартанцев:

– Что ж, тем лучше для нас! Пусть персы затмят солнце своими стрелами. Тогда мы будем сражаться в тени!» [18, 121].

В песне «Княгиня Акбилек» одноименная героиня также дает достойный ответ на требование захватчиков: «Если ты покинешь свою башню с одним из троих – мужем, братом или сыном – от тебя я больше ничего не потребую» [11, 80]:

АКЪБИЛЕК-БИЙЧЕ

Алып барыгъыз ханыгъызгъа сёзюю:

Эр – элден, жаш белден, къарнаш а къайда? [11, 80].

КНЯГИНЯ АКБИЛЕК

Идите и передайте мое слово вашему хану:

Из народа (выйдут) мужи, из чресел – сыновья,

Но откуда взяться братьям? [11, 82].

Мудрый ответ княгини, выбравшей брата, побудил Тимура, восхищенного разумом княгини, оставить ее в покое. Однако Акбилек продолжила сражаться. Позже, поняв, что в жестоком бою она будет побеждена, то, решив умереть с честью, подожгла свое платье и бросилась со скалы. Вслед за ней, предпочитая смерть унижениям, горские девушки тоже подожгли свои платья и прыгнули вниз с той же скалы. «Сегодня она называется «Скала, на которой сгорели девушки». Она находится в Верхнем Чегеме» («Бюгюн ол къаягъа «къызла кюйген къая» дейдиле. Ол Огъары Чегемдеди»), – пишет Н.М. Кагиева [13, 43].

Интересной представляется и чеченская легенда, опубликованная В.Г. Чеботаревой, содержащая глубокий протест против войн. Согласно легенде, к башне, составленной Тимуром из отрубленных голов своих пленников, подошла исхудалая и оборванная старуха – мать одного из погибших пленников. На расспросы Тимура старуха ответила: «Ваше величество, Тамерлан, когда я добиралась сюда, мне приходилось проходить густые, непроходимые леса, в этих лесах водились змеи, страшный, с огромной раскрытой пастью крокодил бросался на меня, готовый проглотить. Но когда я говорила, что я ищу единственного сына, он останавливался. Когда я шла дальше, встречались еще на пути глубокие бездонные воды, но когда я говорила им, что ищу единственного сына, воды становились мелкими, доходя до колен. Ваше величество, Тамерлан, всем миром проклятый, ненавистный всему народу, погубивший тысячи человеческих душ, страшный вы человек! Но все же и вы еще любимы своей родной матерью!» [9, 125].

По легенде, после таких слов старухи подавленный Тамерлан распустил свои войска и ушел, куда глаза глядят, что, конечно же, не соответствует исторической действительности.

В завершение этого блока приведем еще два примера оригинальных реплик в адрес Тимура (не от женских персонажей).

Согласно чеченскому преданию «Тамерлан и зеркало», «Тимур посмотрел в трофейное зеркало и первый раз в жизни увидел себя – маленького человека с волочащейся ногой, приплюснутым носом, уродливо вытянутыми руками, лицом, изрытым оспой, бронзовым от солнца, ветров и дождей, и важно поднятой низколобой головой. Смотрел Тимур на себя и от досады заплакал. Заплакал и подошедший первый советник повелителя из-за того, что принужден смотреть на этот образ уже в течение 30 лет» [19, 100].

Согласно дагестанскому преданию «Тимур-Шах и Губден», осажденный завоевателями одноглазый кумыкский вождь Губден попросился на аудиенцию к Тимуру, куда прибыл верхом на быке и обратился к Тимуру в форме шутки: «Я, кривой, имею тебе, хромому, задать один вопрос: что мы за люди, и что из себя представляют наши владения и наше богатство, чтобы такому завоевателю и могущественному царю, как ты, подобало, придя сюда, переносить лишения и воевать с нами?» [9, 142]. По легенде, Тимуру понравились такие слова, и он пощадил и одарил отряд Губдена.

Заключение

Захватнические походы Тимура на Кавказ в той или иной степени отразились на всех местных народах. Население Кавказа сохранило в своем фольклоре (в частности, в своих историко-героических песнях) память о разрушениях, вызванных нашествием неприятеля, о взаимопомощи в отражении этого нашествия, о героических действиях отдельных людей и отрядов. Объектом нашего исследования послужила «женская оптика» местного населения, столкнувшегося с такой беспрецедентной угрозой своему существованию. На примере сохранившихся историко-героических песен и преданий карачаево-балкарцев мы предприняли попытку классифицировать «женские сюжеты», разделив их на следующие группы: «виктимная позиция», «активная позиция», «вербальное взаимодействие». Примеры таких сюжетов дополнены образцами фольклора соседних народов – дагестанцев, кабардинцев, осетин, чеченцев.

Следует отметить, что сюжеты этих трех типов известны многим кавказским народам, однако зачастую тот или иной национальный фольклор характеризуется своими особенностями: так, только в чеченских преданиях мы встречаем упоминание о целых отрядах, составленных из женщин.

В карачаево-балкарском же фольклоре мы наблюдаем акцент на попытки вербального влияния местных женщин на захватчиков. Отметим дополнительно, что карачаево-балкарская песня «Княгиня Зурум» вобрала в себя все три анализируемых нами типологических сюжета («виктимная позиция», «активная позиция», «вербальное взаимодействие»).

Примечания:

1. Кюй – песня-плач.
2. Хабар (араб.) – рассказ, новость; название повествовательного жанра.

1. *Котина А.В.* Миф об амазонках и его развитие в античной традиции: Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. Белгород, 2012. 28 с.

2. Сорок девушек // Каракалпакский народный эпос. Библиотека всемирной литературы. Т.2. М.: Художественная литература, 1975. 37 с. [электронный ресурс]. URL: <https://abdikamalov.narod.ru/abdikamalov/sorok.pdf>

3. Перевод двух версий Песни о Мулань // О фантастике и фэнтези в литературе и не только [электронный ресурс]. URL: <https://fant-fan.ru/perevod/perevod-dvuh-versij-pesni-o-mulan/>

4. *Кальвино И.* Итальянские сказки. М.: Гослитиздат, 1959. 92 с.

5. Марья Моревна. Сказка / рис. И.Я. Билибина. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1903. 12 с.

6. *Фирдоуси.* Шахнаме. Т.2. От сказания о Ростеме и Сохрабе до сказания о Ростеме и Хакане Чина. М.: Издательство АН СССР, 1960. 651 с.

7. Маадай-Кара. Очы-Бала. Алтайские героические сказания / сказитель А. Калкин; пер. с алт. А. Плитченко; худож. А. Дианов. М.: Современник, 1983. 288 с.

8. *Малкондуев Х.Х.* Историко-героические песни карачаево-балкарского народа (конец XIV-XVIII века). Нальчик: ООО «Печатный двор», 2015. 312 с.

9. *Хизриев Х.А.* Кавказцы против Тимура. Грозный: Книга, 1992. 167 с.

10. *Мусукаева С.А.* Эрттегили халкъ жырлада тиширыулары сыфатлары (Образы женщин в старинных народных песнях) // Заман. 2023. 1 дек.: [сайт]. URL: <https://zamankbr.ru/node/10363>. (на карач.-балк. яз.).

11. *Джуртубаев М.Ч.* Аланский историко-героический эпос. В 3-х т. Нальчик: ООО «Тетраграф», 2015. Т. I. 656 с.

12. *Хамицаева Т.А.* Историко-песенный фольклор осетин. Орджоникидзе: Ир, 1973. 259 с.

13. *Кагиева Н.М.* Кюренли джазыула (Коронованные судьбы). Сборник статей по истории карачаевской литературы. Карачаевск: КЧГПУ, 2001. 143 с. (на карач.-балк. яз.).

14. *Тесаев З.А., Дахо А.А.* О сражении чеченцев с войском Тамерлана // Правовое наследие Кавказа (Архивы Кавказа): [сайт]. URL: <https://kavkaznasledie.ru/?p=4522>.

15. *Песни народов Дагестана / сост. Н.В. Капиева.* Л.: Советский писатель, 1970. 581 с.

16. *Бухуров М.Ф.* Образ женщины-богатырши в историко-героическом эпосе адыгов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 9(87). Ч.2. С. 233–236.

17. *Песня о Лашин // Кабардинский фольклор.* Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2000. С. 85–87.

18. *Милиадис Я.* Истории из Геродота. М.: Детская литература, 1983. 158 с.

19. *Цаликов А.Т.* В горах Кавказа: быль, очерки и легенды. М.: Восток, 1914. 124 с.

THE IMAGE OF A WOMAN WARRIOR IN THE WORLD AND NORTH CAUCASIAN HISTORICAL HEROIC EPIC.

Berberov, Burhan A. – doctor of philological sciences, leading researcher, head of the sector of Karachay-Balkarian folklore, Institute for the Humanities Research of Kabardian-Balkarian Scientific Centre of RAS (Nalchik, Russia); <https://orcid.org/0000-0001-5417-8144>; burhan_berberov@mail.ru

Keywords: *world and North Caucasian historical and heroic epic, female warrior, Caucasian woman, self-sacrifice.*

The object of our research was «female plots» in the world and North Caucasian historical and heroic epic. A comparative analysis of motives of different origins made it possible to classify gender-marked narratives according to the degree and nature of the involvement of female protagonists in the process of resistance to foreign invaders. As a result of continuous sampling and anthropocentric analysis, the following behavioural patterns were identified: «victim position», «active position», «verbal interaction», generally characteristic of both the world and the Karachay-Balkarian historical-heroic epic. All three behavioural types are most clearly realized in the songs of the «Timur cycle» – «Crying of the mother of twins», «Black Storm», «Crying for Aznaur», «Crying for a husband who died in battle», «Dugerbij», «Princess Zurum», «Princess Akbilek». The method of folklore comparative studies made it possible to discover a typologically similar picture in Dagestan, Kabardian, Ossetian, and Chechen epic texts, where socially and culturally determined models of women's reaction to the aggression of a foreign

enemy are also updated. A special place among all the studied folklore works is occupied by the polyconflict song «Princess Zurum», which includes several behavioural constructs at once – victimization, resistance, and also oriented towards cultural, peacemaking dialogue. The commonality of human thinking and behaviour is shown in the article by referring to a broad historical and cultural context, including relevant works from the Altai, Greek, Iranian, Italian, Chinese, Mongolian and Russian legends. All theoretical positions in the article are supported by relevant illustrative material, as well as the necessary scientific comments.

For citation: Berberov, B.A. *The Image of a Woman Warrior in the World and North Caucasian Historical Heroic Epic*. KAVKAZ-FORUM. 2024, iss. 18(25), pp. 5-20. (In Russian). DOI: 10.46698/VNC.2024.25.18.010

REFERENCES

1. Kotina, A.V. *Mif ob amazonkakh i ego razvitie v antichnoi traditsii* [The myth of the Amazons and its development in the ancient tradition]. Thesis abstract of the candidate dissertation (in History). Belgorod, 2012. 28 p.
2. *Sorok devushek* [Forty girls]. *Karakalpakskii narodnyi epos* [Karakalpak folk epic]. Library of World Literature. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1975, vol. 2. 37 p. [electronic resource]. URL: <https://abdikamalov.narod.ru/abdikamalov/sorok.pdf>
3. *Perevod dvukh versii Pesni o Mulan'* [Translation of two versions of the Song of Mulan]. *O fantastike i fentezi v literature i ne tol'ko* [On science fiction and fantasy in literature and beyond] [electronic resource]. URL: <https://fant-fan.ru/perevod/perevod-dvuh-versij-pesni-o-mulan/>
4. Kal'vino, I. *Ital'yanskije skazki* [Italian fairy tales]. Moscow, Goslitizdat, 1959. 92 p.
5. *Mar'ya Morevna* [Marya Morevna]. Fairy tale. Drawings by I.Ya. Bilibina. St. Petersburg, Ekspeditsiya zagotovleniya gosudarstvennykh bumag, 1903. 12 p.
6. Firdousi. *Shakhname* [Shahnameh]. *T.II. Ot skazaniya o Rosteme i Sokhrabe do skazaniya o Rosteme i Khakane China* [Vol.2. From the legend of Rostem and Sohrab to the legend of Rostem and Khakan Chin]. Moscow, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1960. 651 p.
7. *Maadai-Kara. Ochy-Bala. Altaiskije geroicheskie skazaniya* [Maadai-Kara. Ochy-Bala. Altai heroic tales]. Storyteller A. Kalkin, translation from the Altai language by A. Plitchenko, artist A. Dianov. Moscow, Sovremennik, 1983. 288 p.
8. Malkonduev, Kh.Kh. *Istoriko-geroicheskie pesni karachaevo-balkarskogo naroda (konets XIV-XVIII veka)* [Historical and heroic songs of the Karachay-Balkar people (late XIV-XVIII centuries)]. Nalchik, OOO «Pechatnyi dvor», 2015. 312 p.

9. Khizriev, Kh.A. *Kavkaztsy protiv Timura* [Caucasians against Timur]. Groznyi, Kniga, 1992. 167 p.
10. Musukaeva, S.A. *Obrazy zhenshchin v starinnykh narodnykh pesnyakh* [Images of women in ancient folk songs]. *Zaman* [Zaman]. 2023. December 1 [Web-site]. URL: <https://zamankbr.ru/node/10363>. (in Karachay-Balkarian).
11. Dzhurtubaev, M.Ch. *Alanskii istoriko-geroicheskii epos. V 3-kh t.* [Alan historical and heroic epic. In 3 vols]. Nalchik, OOO «Tetragraf», 2015, vol. I. 656 p.
12. Khamitsaeva, T.A. *Istoriko-pesennyi fol'klor osetin* [Historical song folklore of Ossetians]. Ordzhonikidze, Ir, 1973. 259 p.
13. Kagiya, N.M. *Koronovannye sud'by* [Crown destinies]. Collection of articles on the history of Karachay literature. Karachaevsk, Karachay-Cherkess State Pedagogical University, 2001. 143 p. (in Karachay-Balkarian).
14. Tesaev, Z.A., Dakho, A.A. *O srazhenii chechentsev s voiskom Tamerlana* [About the battle of the Chechens with the army of Tamerlane]. *Pravovoe nasledie Kavkaza (Arkhivy Kavkaza)* [Legal heritage of the Caucasus (Archives of the Caucasus)] [Web-site]. URL: <https://kavkaznasledie.ru/?p=4522>.
15. Kapiya, N.V. (comp.). *Pesni narodov Dagestana* [Songs of the peoples of Dagestan]. Leningrad, Sovetskii pisatel', 1970. 581 p.
16. Bukhurov, M.F. *Obraz zhenshchiny-bogatyrshei v istoriko-geroicheskom epose adygov* [The image of a female hero in the historical and heroic epic of the Circassians]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice]. 2018, no. 9(87), part 2, pp. 233–236.
17. *Pesnya o Lashin* [Song about Lashin]. *Kabardinskii fol'klor* [Kabardian folklore]. Nalchik, Izdatel'skii tsentr «El'-Fa», 2000, pp. 85–87.
18. Miliadis, Ya. *Istorii iz Gerodota* [Stories from Herodotus]. Moscow, Detskaya literatura, 1983. 158 p.
19. Tsalikov, A.T. *V gorakh Kavkaza: byl', ocherki i legendy* [In the Caucasus Mountains: true stories, essays and legends]. Moscow, Vostok, 1914. 124 p.